

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

СЕРДЦА
В АТЛАНТИДЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
HEARTS IN ATLANTIS

Перевод с английского И. Гуровой
Компьютерный дизайн В. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Сердца в Атлантиде : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. И. Гуровой.] — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 477, [3] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-082585-1

Это — Стивен Кинг, которого вы еще не знали. Это — проза, не бьющая на внешний эффект, временами — почти сказовая, временами — почти постмодернистская. Это — жестокий психологизм и «городская сага», «гиперреализм» и «магический реализм» одновременно. Это — история времени и пространства, пропущенная сквозь призму восприятия жителей маленького американского городка. Это — мы. Наш век, наша жизнь. Без прикрас — и без лакировки. Ибо только в калейдоскопе мелочей, по Кингу, способна сложиться многоцветная картина эпохи...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1999
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

1960: У них была палка, заостренная с обоих концов

НИЗКИЕ ЛЮДИ
В ЖЕЛТЫХ ПЛАЩАХ

1. МАЛЬЧИК И ЕГО МАТЬ.
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БОББИ.
НОВЫЙ ЖИЛЕЦ, О ВРЕМЕНИ
И НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЯХ

Отец Бобби Гарфилда был одним из тех ребят, которые начинают терять волосы на третьем десятке, а к сорока пяти годам сияют лысиной во всю голову. Этой крайности Рэндолл избежал, умерев от инфаркта в тридцать шесть. Он был агентом по продаже недвижимости и испустил дух на полу чьей-то чужой кухни. Потенциальный покупатель пытался в гостиную вызвать «скорую» по невключенному телефону, когда папа Бобби скончался. Бобби тогда было три года. Он смутно помнил мужчину, который шекотал его, а потом чмокал в щеки и в лоб. Он не сомневался, что это был его папа. «ОСТАВИЛ В ПЕЧАЛИ» — гласила могильная плита Рэндолла Гарфилда, но его мама вовсе не казалась печальной, а что до самого Бобби — какая может быть печаль, если ты его совсем не помнишь?

Через восемь лет после смерти отца Бобби без памяти влюбился в двадцатилетнюю девушку в витрине «Харвич вестерн авто». Он по-всякому намекал матери на «швинн» и в конце концов даже показал ей его, когда они шли домой из кино (крутили «Тьму на верхней лестничной площадке»; Бобби ничего не понял, но ему все равно понравилось — особенно то место, когда Дороти Макгайр хлопнулась в кресло и выставила напоказ свои длинные ноги). Поравнявшись с магазином, Бобби небрежно высказал мнение, что велик в окне,

конечно, будет замечательным подарком ко дню рождения какому-нибудь счастливчику одиннадцати лет.

— И не мечтай, — сказала она. — На велосипед к твоему рождению у меня денег нет. Твой отец, знаешь ли, не оставил нас купаться в деньгах.

Хотя Рэндолл упокоился в могиле тогда, когда президентом был еще Трумэн, а теперь и Эйзенхауэр завершил свой восьмилетний круиз, «твой отец не оставил нас купаться в деньгах», чаще всего отвечала его мать, когда Бобби намекал на что-нибудь, что могло обойтись больше чем в один доллар. Обычно эта фраза сопровождалась взглядом, полным упрека, будто ее муж сбежал, а не умер.

На день рождения он велика не получит, угрюмо размышлял Бобби, пока они шли домой, и удовольствие от непонятого путаного фильма, который они видели, совсем угасло. Он не стал спорить с матерью, не стал упрашивать ее — это только вызвало бы контратаку, а когда Лиз Гарфилд контратаковала, она пленных не брала, — но он думал и думал о недоступном велике... и недоступном отце. Порой он почти ненавидел отца. Иногда от ненависти его удерживало только ощущение — ни на чем не основанное, но очень сильное, — что именно этого хочет от него мать. Когда они дошли до парка и пошли вдоль него — еще два квартала, и они свернут влево на Брод-стрит, где они жили, — он подавил обычные опасения и задал вопрос о Рэндолле Гарфилде:

— Мам, он что-нибудь оставил? Хоть что-нибудь?

Недели полторы назад он прочел детективную книжку с Нэнси Дрю, в которой наследство бедного мальчика было спрятано за старыми часами в заброшенном доме. Бобби всерьез не думал, что его отец где-то запрятал золотые монеты или редкие марки, но если было хоть что-то, они могли бы продать это в Бриджпорте. Например, в лавке закладчика. Бобби не слишком ясно представлял себе, что и как закладывают, но он знал, как узнать такую лавку — над дверью висят три золотых шара. И, конечно, закладчики там будут рады им помочь. Правда, это только детская сказочка, но у Кэрол Гербер, дальше по улице, целый набор кукол, которые ее отец, военный моряк, присылает ей из-за моря. Так если отцы дарят что-то, а они дарят, так почему бы им и не оставлять что-то? Это же ясно!

Когда Бобби задал свой вопрос, они проходили под фонарем (цепочка их тянется вдоль ограды парка), Бобби увидел, как зашевелились губы его матери: они всегда так двигались, если он набирался смелости и спрашивал про своего покойного отца.

Глядя на них, он вспоминал ее кошелечек: потянешь за шнурок — и отверстие сузится, почти спрячется в складках.

— Я скажу тебе, что он оставил, — пообещала она, когда они пошли вверх по Брод-стрит, взбравшейся на холм. Бобби пожалел, что спросил, но, конечно, было уже поздно. Если ее завести, так не остановишь — в этом все дело.

— Он оставил страховой полис, который уже год как был аннулирован. А я ничего даже не знала, пока он не умер, и все, включая гробовщика, потребовали своей доли того, чего у меня не было. Еще он оставил пачку неоплаченных счетов, с которыми я теперь уже почти разделалась — люди входили в мое положение, а мистер Бидермен особенно, что так, то так.

Все это вместе было старой песней и таким же занудным, как и злым, но вот тут Бобби услышал что-то новенькое.

— Твой отец, — сказала она, когда они подходили к дому на полпути вверх по Брод-стрит-Хилл, где была их квартира, — на любой неполный стрет клевал.

— Мам, а что такое неполный стрет?

— Не важно. Но одно я тебе скажу, Бобби-бой: смотри, если я узнаю, что ты в карты на деньги играешь! Я этим на всю жизнь по горло сыта.

Бобби хотелось расспросить поподробнее, но благоразумие одержало верх, новый вопрос почти наверное вызвал бы водопад новых слов. Тут он подумал, что кино, которое было про несчастных мужей и жен, могло ее расстроить по причинам, которые ему, всего лишь мальчишке, были непонятны. А про неполный стрет он спросит в понедельник в школе у Джона Салливана, своего лучшего друга. Бобби казалось, что это покер, но уверен он не был.

— В Бриджпорте есть такие места, где мужчины теряют деньги, — сказала она, когда они совсем подошли к дому, где жили. — Туда ходят дураки-мужчины. Дураки-мужчины напакостят, а всем женщинам в мире приходится потом убирать за ними. Ну, что же...

Бобби знал, что последует дальше: это было любимое приговение его матери.

— Жизнь несправедлива, — сказала Лиз Гарфилд, доставая ключ и готовясь отпереть дверь дома номер 149 по Брод-стрит в городке Харвиче, штат Коннектикут. Был апрель 1960 года, вечер дышал весенними ароматами, а рядом с ней стоял худенький мальчик с рискованными рыжими волосами своего покойного отца. Она никогда не прикасалась к его волосам, а в

редких случаях, когда ей хотелось его приласкать, она обычно прикасалась к его плечу или щеке.

— Жизнь несправедлива, — повторила она, открыла дверь, и они вошли.

Правда, что с его матерью обходились не как с принцессой, и, бесспорно, нехорошо, что ее муж испустил дух на линолеуме пола в пустом доме в возрасте тридцати шести лет, но порой Бобби думал, что могло быть и хуже. Например, не один ребенок, а двое детей. Или трое. Черт! Даже четверо.

Или, предположим, ей бы пришлось выполнять по-настоящему тяжелую работу, чтобы прокормить их двоих? Мать Салла работала в пекарне «Тип-Топ» на другом конце города, и в дни, когда она должна была включать печи, Салл-Джон и двое его старших братьев почти ее не видели. Кроме того, Бобби видел, как из ворот компании «Несравненная туфелька» после трехчасового гудка (сам он уходил из дома в половине третьего) толпой валили женщины, все словно бы слишком тощие или слишком толстые, женщины с землистыми лицами и пальцами, окрашенными в жуткий цвет запекшейся крови, женщины с опущенными глазами, несущие свою рабочую обувь и комбинезоны в пластиковых пакетах «Любая бакалея». А прошлой осенью он видел, как мужчины и женщины собирали яблоки за городом, когда ездил на церковную ярмарку с миссис Гербер, и Кэрол, и маленьким Йеном (которого Кэрол называла не иначе как Йен-Соплюшка). Он спросил у миссис Гербер, что это за люди, а она сказала, что это сезонники, ну, вроде перелетных птиц — они все время перебираются с места на место, собирая урожай чего бы то ни было, когда он созревает.

А она была секретаршей мистера Дональда Бидермена в компании по продаже недвижимости «Родной город» — той самой, в которой работал отец Бобби, когда с ним случился инфаркт. Бобби решил, что работу эту она получила потому, что Дональду Бидермену нравился Рэндолл, и он жалел ее — оставшуюся вдовой с сыном, который только-только вышел из пеленок, — но она хорошо со всем справлялась и работала очень много. Очень часто задерживалась допоздна. Раза два Бобби видел мать и мистера Бидермена вместе — особенно ему запомнился пикник, который устроила компания; но был еще и тот раз, когда Бобби в игре на переменке выбили зуб и мистер Бидермен свозил их к зубному врачу в Бриджпорте, — и они смотрели друг на друга как-то так, по-особенному. Иногда ми-

стер Бидермен звонил ей по вечерам, и в этих разговорах она называла его Доном. Но «Дон» был совсем старым, и Бобби редко о нем думал.

Бобби толком не знал, чем занимается его мама днем (и по вечерам) у себя в агентстве, но он на что хочешь поспорил бы, что это вам не туфли изготавливать и не печи включать в пекарне «Тип-Топ» в половине пятого утра. Бобби на что хотите поспорил бы, что эти работы ее работе и в подметки не годятся. А еще, если уж говорить о его матери, так спрашивать ее о чем-то значило наверняка нарваться на неприятности. Если, например, спросить, почему ей по карману три платья от «Сирса» — и одно из них шелковое, а не по карману три месяца вносить по одиннадцать долларов пятьдесят центов за «швинн» в витрине «Вестерн авто» — велик был красно-серебряный, и от одного взгляда на него у Бобби начинало шемить под ложечкой. Задай такой вот вопрос и сразу нарвешься.

Бобби его не задавал. Он просто решил сам заработать на велик. Накопит он, сколько нужно, не раньше осени, а то и зимы. Так что, может, к тому времени этот велик исчезнет с витрины «Вестерн авто», но он будет добиваться своего. Надо натирать мозоли и не покладать рук. Жизнь нелегка, и жизнь несправедлива.

Когда одиннадцатый день рождения Бобби прикатил в последний вторник апреля, мама подарила ему плоский пакетик из серебряной бумаги. Внутри оказалась оранжевая библиотечная карточка. ВЗРОСЛАЯ библиотечная карточка! Прощайте, Нэнси Дрю, Мальчишки Харди и Дон Уинслоу, военный моряк. Привет всем прочим! Рассказам, полным таинственной мутной страсти, вроде как «Тьма на верхней лестничной площадке». Не говоря уж об окровавленных кинжалах в комнатах наверху башен. (Тайн и комнат наверху башен хватало и в книжках о Нэнси Дрю и мальчишках Харди, но вот крови в них было всего ничего, а уж страсти так и вовсе никогда.)

— Не забывай только, что миссис Келтон на выдаче моя подруга, — сказала мама своим обычным сухим предупреждающим тоном, но она была рада его радости, заметила ее. — Если попробуешь взять «Пейтон-Плейс» или «Кингз Роу», я об этом узнаю.

Бобби улыбнулся. Он и так это знал.

— А если будет дежурить другая, мисс Придира, и спросит, почему у тебя оранжевая карточка, скажи ей, чтобы посмотрела на обороте. Я вписала разрешение над моей подписью.

— Спасибо, мам, это здорово.

Она улыбнулась, наклонила голову и быстро скользнула сухими губами по его щеке. Раз — и все.

— Я рада, что тебе понравилось. Если вернусь не поздно, пойдем в «Колонию», попробуем жареных мидий и мороженое. А пирога тебе придется подождать до субботы, раньше у меня не будет времени его испечь. А теперь надевай куртку и пошевеливайся, сынуля. В школу опоздаешь.

Они спустились по лестнице и вместе вышли из двери. У тротуара стояло такси. Мужчина в поплиновой куртке наклонился к заднему окошку, расплачиваясь с водителем. Позади него стояли чемоданы и бумажные пакеты — которые с ручками.

— Наверное, это тот, который снял комнату на третьем этаже, — сказала Лиз, и ее губы собрались складками, будто кто-то потянул шнурок. Она стояла на верхней ступеньке крыльца, оглядывая узкую задницу мужчины (она выпятилась на них, когда он нагнулся к водителю). — Мне не нравятся люди, которые перевозят свои вещи в бумажных пакетах. Для меня от вещей в бумажных пакетах пахнет трущобами.

— Так у него ж и чемоданы есть, — сказал Бобби, но, собственно, его мать могла бы и не намекать, что три чемоданчика нового жильца многого не стоили. Не из комплекта, и у всех такой вид, будто их кто-то в скверном настроении наподдал сюда из Калифорнии.

Бобби и его мама пошли по бетонной дорожке. Такси отъехало. Мужчина в поплиновой куртке обернулся. Для Бобби все люди распались на три категории: ребята, взрослые и старичье. Старичье — это были взрослые с седыми волосами. Новый жилец был из них. Лицо худое, усталое. Не морщинистое (только вокруг поблекших голубых глаз), но все в глубоких складках. Седые волосы были тоненькими, как у младенца, с большими залысинами надо лбом в желто-коричневых пятнах. Он был высокий и сутулился, совсем как Борис Карлофф в ужастиках, которые по пятницам в 11.30 вечера показывали по WPIX. Под поплиновой курткой был дешевый рабочий костюм, вроде бы великоватый для него. А на ногах — стоптанные ботинки из цветной кожи.

— Привет, соседи, — сказал он и улыбнулся, словно бы с трудом. — Зовусь я Теодор Бротиген. Думаю пожить тут.

Он протянул руку матери Бобби, а она чуть к ней прикоснулась.

— Я — Элизабет Гарфилд. А это мой сын Роберт. Вы извините нас, мистер Бреттиген...

— Бротиген, мэм, но буду счастлив, если вы и ваш сынок станете называть меня Тед.

— Да-да, но Роберт опаздывает в школу, а я опаздываю на работу. Приятно было познакомиться, мистер Бреттиген. Поторопись, Бобби. *Tempus fugit**.

Она зашагала вниз по улице к центру, а Бобби направился вверх по улице (и заметно медленнее) к Харвичской средней школе на Эшер-авеню. Пройдя по этому пути три-четыре шага, он остановился и посмотрел назад. Он чувствовал, что его мама была груба с мистером Бротигеном, что она задавалась. А в маленьком кружке его друзей не было хуже порока. Кэрол не терпела задавак, и Салл-Джон тоже. Мистер Бротиген уже, наверное, прошел половину бетонной дорожки, но если нет, то Бобби захотелось ему улыбнуться: пусть знает, что по крайней мере один член семьи Гарфилдов не задается.

Его мама тоже остановилась и тоже оглянулась. Не потому, что ей захотелось еще раз взглянуть на мистера Бротигена, это Бобби и в голову не пришло. Нет. Оглянулась она на своего сына. Она ведь знала, что он обернется, еще до того, как он решил это сделать. И в эту секунду какая-то тень легла на его обычно солнечную натуру. Она иногда говорила, что скорее в июле снег пойдет, чем Бобби удастся ее провести, и он полагал, что так оно и есть. Да и вообще, сколько вам должно быть лет, прежде чем вы сумеете провести свою мать? Двадцать? Тридцать? Или, может, вам придется подождать, пока она не составится и у нее немножко помутится в голове?

Мистер Бротиген даже еще не свернул на дорожку. Он стоял у края тротуара — в каждой руке он держал по чемоданчику, третий зажимал под мышкой (три бумажных пакета он уже перенес на траву у дома номер 149 по Брод-стрит) и сутулился под их тяжестью даже сильнее, чем раньше. Он стоял прямо между ними, будто столб какой-то.

Взгляд Лиз Гарфилд метнулся мимо него на сына. «Иди! — скомандовали ее глаза, — не говори ни слова. Он незнакомый человек, неизвестно откуда, вообще ниоткуда, и половина его вещей в бумажных пакетах. Не говори ни слова, Бобби, просто иди дальше, и все».

А вот и нет! Может, потому, что на день рождения он получил библиотечную карточку, а не велик.

— Рад был познакомиться, мистер Бротиген, — сказал Бобби. — Надеюсь, вам тут понравится. Всего хорошего.

* Время бежит (*лат.*).

— Удачного дня в школе, сынок, — сказал мистер Бротиген. — Узнай побольше. Твоя мама права — *tempus fugit*.

Бобби посмотрел на мать в надежде, что его маленький бунт прощен благодаря этой равно маленькой лести, но ее губы остались сжатыми. Не сказав больше ни слова, она повернулась и пошла вниз по склону. Бобби зашагал своей дорогой, радуясь, что поговорил с незнакомым мистером Бротигеном, пусть даже потом мама разочтется с ним за это.

Приближаясь к дому Кэрол Гербер, он достал оранжевую библиотечную карточку и посмотрел на нее. Конечно, не двадцатишестидюймовый «швинн», но все равно очень даже хорошо. Целый мир книг, чтобы его исследовать, ну а если он и стоил всего два-три доллара, так что? Есть же поговорка: дорог не подарок...

Ну... так, во всяком случае, говорит его мама.

Он посмотрел на обратную сторону карточки. Там ее властным почерком было написано: «Всем, кого это может касаться: это библиотечная карточка моего сына. Он имеет мое разрешение брать три книги в неделю из взрослого отдела Харвичской публичной библиотеки». И подпись: «Элизабет Пенроуз Гарфилд».

Под ее фамилией, будто постскрипtum, она добавила: «Пени за просрочку Роберт будет платить сам».

— С днем рождения! — закричала Кэрол Гербер, выскакивая из-за дерева, где ждала в засаде. Она обхватила его руками за шею и изо всех сил чмокнула в щеку. Бобби покраснел и оглянулся — не видит ли кто? Черт, дружить с девчонкой нелегко и без поцелуев врасплох! Но все обошлось. По Эшеравеню на вершине холма в сторону школы двигались обычные вереницы школьников, но здесь на склоне они были одни.

Бобби старательно вытер щеку.

— Брось! Тебе же понравилось, — сказала Кэрол со смехом.

— А вот и нет, — сказал Бобби. И соврал.

— Так что тебе подарили на день рождения?

— Библиотечную карточку, — ответил Бобби и показал ей карточку. — ВЗРОСЛУЮ.

— Здорово! — Он увидел в ее глазах... сочувствие? Наверное, нет. А если и да, так что?

— Вот, бери. — И она протянула ему конверт с золотой каемкой и его именем печатными буквами посередине. И еще она наклеила на конверт сердечки и плюшевых медвежат.

Бобби с некоторой опаской распечатал конверт, напоминая себе, что открытку можно засунуть поглубже в задний карман брюк, если она уж чересчур сю-сю.

Вовсе нет. Может, немножечко чуть-чуть детская (мальчишка верхом в широкополой шляпе на голове, а на обороте надпись, будто деревянными буквами: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОВБОЙ!»), но не сю-сю. Вот «С любовью от Кэрол», конечно, не без сю-сю, ну так чего и ждать от девчонки?

— Спасибо.

— Я знаю, открытка для малышей, но другие были еще хуже, — деловито сказала Кэрол.

Чуть дальше вверх по холму их ждал Салл-Джон, всюю упражняясь со своим бо-ло — под правую руку, под левую руку, за спину. А вот между ногами больше ни-ни. Как-то попробовал на школьном дворе и врезал себе по яйцам. Салл завизжал. Бобби и еще несколько ребят ржали до слез. Кэрол и три ее подружки прибежали спросить, что случилось, а ребята все сказали «да ничего» — Салл-Джон сказал то же самое, хотя совсем побелел и чуть не плакал. «Все мальчишки дураки», — сказала Кэрол тогда, но Бобби не верил, что она и вправду так думает. Не то не выскочила бы из-за дерева и не поцеловала бы его! А поцелуй был хороший. По-настоящему клевый. Собственно, получше мамино.

— И вовсе не для малышей, — сказал он.

— Да, но почти, — сказала она. — Я хотела купить тебе взрослую открытку, но они такое сю-сю.

— Я знаю, — сказал Бобби.

— Когда ты станешь взрослым, Бобби, то будешь сю-сю?

— Нет уж, — сказал он. — А ты?

— Ну, нет. Я буду как Рионда, мамина подруга.

— Так Рионда же толстая, — с сомнением сказал Бобби.

— Угу, но она что надо. Вот и я буду что надо, только не толстой.

— К нам переехал новый жилец. В комнату на третьем этаже. Мама говорит, там настоящее пекло.

— Да? А какой он? — Она хихикнула. — Уютюшечка?

— Он старик, — сказал Бобби и на секунду замолчал, прикидывая. — Но у него интересное лицо. Маме он сразу не понравился, потому что привез свои вещи в бумажных пакетах.

К ним подошел Салл-Джон.

— С днем рождения, сукин сын, — сказал он и хлопнул Бобби по спине. «Сукин сын» было на данном этапе любимым выражением Салл-Джона, а Кэрол — «что надо». Бобби на данном этапе обходился без любимого выражения, хотя и думал, что «сверхдерьмово» звучит очень неплохо.

— Если будешь ругаться, я с тобой не пойду, — сказала Кэрол.